ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 338.012
JEL: L16

**Современные тенденции развития
промышленного сектора Республики Башкортостан
в контексте динамической устойчивости**

А.Г. Назаров, к.полит.н., докторант ИПР РАН
e-mail: *andrey.g.nazarov@gmail.com*

Для цитирования:

Назаров А.Г. Современные тенденции развития промышленного сектора Республики Башкортостан в контексте динамической устойчивости // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 2. – С. 6-21.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-2-6-21>

Аннотация

В статье рассмотрены тенденции и закономерности развития экономики Республики Башкортостан до и после кризиса, обусловленного пандемией новой коронавирусной инфекции. Представлен экспресс-прогноз дальнейшего развития башкирской экономики на перспективу до пяти лет, показано, что для достижения повышательного тренда в экономическом росте региона в условиях его специализации на материальном производстве необходимо обеспечить динамическую устойчивость бизнес-моделей промышленных и производственных предприятий за счет накопления последними конкурентного и инвестиционного потенциала.

Ключевые слова: *экономический рост, социально-экономическое развитие, промышленное производство, Республика Башкортостан, динамическая устойчивость, инвестиционный потенциал*

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России».

**Current trends in the development
of the industrial sector the Republic of Bashkortostan
in the context of dynamic sustainability**

Andrey G. Nazarov, Cand. of Sci. (polyt.), doctoral student MEI RAS
e-mail: *andrey.g.nazarov@gmail.com*

For citation

Nazarov A.G. Current trends in the development of the industrial sector the Republic of Bashkortostan in the context of dynamic sustainability // Market economy problems. – 2021. – No. 2. – Pp. 6-21 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-2-6-21>

Abstract

The article examines the trends and patterns of economic development of the Republic of Bashkortostan before and after the crisis caused by the pandemic of a new coronavirus infection. Presents a rapid forecast of the further development of the Bashkir economy up to next five years. It is shown that in order to achieve an upward trend in the economic growth of the region in the conditions of its specialization in material production, it is necessary to ensure the dynamic stability of the business models of industrial and manufacturing enterprises due to the accumulation of competitive and investment potential by the latter.

Keywords: *economic growth, socio-economic development, industrial production, Republic of Bashkortostan, dynamic stability, investment potential*

The article was prepared within the framework of the state task of the MEI RAS, the topic of research «Institutional transformation of economic security in solving socio-economic problems of sustainable development of the national economy of Russia».

Республика Башкортостан – это один из наиболее устойчивых в своем социальном и экономическом развитии регионов Российской Федерации. Последние пять лет в национальном рейтинге регионов Республика Башкортостан входит в первую двадцатку (рисунок 1).

Рис. 1. / Fig. 1. Позиции Республики Башкортостан в национальном рейтинге социально-экономического развития регионов / Positions of the Republic of Bashkortostan in the national rating of socio-economic development of the regions

Источник / Source: РИА РЕЙТИНГ. База данных рейтинга социально-экономического развития регионов (выборка). Доступно по адресу: <https://riarating.ru/regions/> (дата обращения 09.06.2021) / RIA RATING. Database of the rating of socio-economic development of regions (sample). Available at:

<https://riarating.ru/regions/> (accessed 09.06.2021)

Безусловно, 2020 год и пандемия новой коронавирусной инфекции негативно сказались на динамике развития Башкирии, но в целом очевидно, что даже у лидера рейтинга (г. Москва) в 2020 году сократилась сумма набранных баллов. Во многих других регионах не удалось удержать социально-экономическую динамику на уровне предыдущих лет. В Республике Башкортостан во многом это стало возможным за счет относительно высокого уровня инвестиционной привлекательности региона, а также за счет относительно высокого уровня жизни в регионе. Так, по итогам 2019 года Республика Башкортостан заняла 11 место в национальном инвестиционном рейтинге регионов. Это означает, что уровень риска для инвесторов в регионе

сопоставим с уровнем инвестиционного риска в Свердловской области (риск минимальный), а инвестиционный потенциал башкирской экономики существенно превышает аналогичный показатель по регионам, которые либо обладают высоким рентным потенциалом (например, ХМАО Югра и ЯНАО), либо высоким научно-производственным потенциалом (например, Новосибирская и Белгородская область), см. данные рис. 2.

Одновременно с этим следует отметить, что объем регионального валового продукта Республики, который показывал устойчиво повышательную динамику, начиная с 2011 года, по данным региональной и федеральной службы государственной статистики, сократился по итогам 2020 года с 1,811 до 1,803 трлн. рублей (рисунок 3).

Рис. 3. / Fig. 3. Динамика объема валового регионального продукта Республики Башкортостан, трлн. руб., в текущих ценах / Dynamics of the volume of the gross regional product of the Republic of Bashkortostan, trillion rubles, at current prices

Источник / Source: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Национальные счета (выборка). Доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 09.06.2021) / Central Database of Statistical Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. National accounts (sample). Available at: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (accessed 09.06.2021).

Сокращение составило менее 0,5%, но если принять во внимание уровень официальной инфляции (4,5-5,5%), то сокращение внутреннего рынка в Башкирии более чем существенное. Вместе с сокращением валового регионального продукта в республиканской экономике сократился и индекс производительности труда, и индекс промышленного производства, что также является закономерным следствием влияния факторов пандемии новой коронавирусной инфекции. Наиболее негативное влияние пандемия и необходимость введения различных локдаунов оказали на те региональные социально-экономические системы, которые в основном сфокусированы либо на массовом обрабатывающем производстве, либо на массовом сервисе (услуги населению и бизнесу).

Рис. 2. / Fig. 2. Инвестиционный рейтинг российских регионов в 2019 году / Investment rating of Russian regions in 2019

Источник / Source: RAEX: Международный проект «Лучшие практики привлечения инвестиций в регионы» (выборка). Доступно по адресу: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att4> (дата обращения 09.06.2021) / RAEX: International Project «Best Practices in Attracting Investment to the Regions» (sample). Available at: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att4> (accessed 09.06.2021)

Экономика Республики Башкортостан относится к системам, сфокусированным преимущественно на массовом обрабатывающем производстве. По итогам четырех докризисных лет (с 2016 по 2019 год включительно) удельный вес обрабатывающих производств в создании валовой добавленной стоимости в экономике региона увеличился с 25,6% до 31,4% (раздел С в ОКВЭД). При этом тенденцию к сокращению показывает и сельскохозяйственная сфера (раздел А в ОКВЭД), и сфера строительства (раздел F в ОКВЭД), и сфера торговли (раздел G в ОКВЭД), прочие отрасли и сферы экономики, ориентированные на оказание услуг (раздел с М по Т в ОКВЭД). Данные об отраслевой структуре башкирской экономики представлены на рис. 4. По итогам 2020 года следует ожидать дальнейшего сокращения доли сервисных отраслей в валовом региональном продукте и увеличение доли промышленного производства. Это связано с тем, что промышленные предприятия Республики (в первую очередь крупные и крупнейшие) более устойчивы к внешним шокам и могут использовать различные формы институциональной поддержки, а предприятия и организации сервисной сферы – это в основном малый и средний бизнес, который обладает, с одной стороны, большей маневренностью, но с другой стороны, менее устойчив к внешним шокам и не может использовать системную институциональную поддержку в силу своей фрагментарности.

Рис. 4. / Fig. 4. Структура экономики Республики Башкортостан по вкладу отраслей (классифицируемых по ОКВЭД 2) в формирование валовой добавленной стоимости ВВП / Structure of the economy of the Republic of Bashkortostan by the contribution of industries (classified under OKVED 2) to the formation of gross value added GRP

Источник / Source: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Национальные счета (Выборка). Доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 09.06.2021) / Central Database of Statistical Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. National Accounts (Sample). Available at: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (accessed 09.06.2021).

Но следует отметить, что не только и не столько последствия кризиса, связанного с пандемией новой коронавирусной инфекции, являются причиной снижения социально-экономической динамики в регионе, а также причиной изменения структуры республиканской экономики. За предыдущие десять лет, в течение которых экономика Республики Башкортостан фокусировалась на сфере обрабатывающих (в большей степени) и добывающих (в минимальной степени) производств, конкуренция на внутреннем рынке снижалась за счет более высоких темпов роста ликвидации коммерческих организаций и за счет меньших темпов роста рождаемости нового бизнеса (рисунок 5).

Рис. 5. / Fig. 5. Динамика демографии организаций в экономике Республики Башкортостан / Dynamics of demography of organizations in the economy of the Republic of Bashkortostan
 Источник / Source: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Институциональные преобразования в экономике (Выборка). Доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036> (дата обращения 09.06.2021) / Central Database of Statistical Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Institutional transformations in the economy (Sample). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036> (accessed 09.06.2021).

На основании данных, которые представлены на рисунке 5, можно рассчитать коэффициент устойчивости развития бизнеса и предпринимательства в экономике Республики Башкортостан (разность между коэффициентом рождаемости и коэффициентом официальной ликвидации) и сформировать прогноз развития, рис. 6.

Рис. 6. / Fig. 6. Динамика коэффициента устойчивости развития бизнеса и предпринимательства в экономике Республики Башкортостан / Dynamics of the coefficient of sustainability of business and entrepreneurship development in the economy of the Republic of Bashkortostan
 Источник / Source: рассчитано автором на основании данных, представленных на рис. 5 / calculated by the author on the basis of the data presented in fig. 5

Расчёты показывают, что, несмотря на относительно благоприятный инвестиционный климат и относительно высокие показатели социально-экономического развития, экономика Республики Башкортостан может утратить конкурентное разнообразие, если усиление роли государства и отсутствие нормальной диверсификации будет нарастать. Но, с другой стороны, после любого кризиса и любого спада наступает фаза роста и прогнозы показывают, что реалистично ожидать от экономики Республики Башкортостан роста на уровне 4-7% в год в течение ближайших пяти лет (рисунок 7).

Рис. 7. / Fig. 7. Прогноз экономического роста Республики Башкортостан (по показателю валового регионального продукта, трлн. руб.) / Forecast of economic growth of the Republic of Bashkortostan (in terms of gross regional product, trillion rubles)

Источник / Source: рассчитано автором на основании данных, представленных на рисунке 3 / calculated by the author on the basis of the data presented in figure 3.

Таким образом, в пятилетней перспективе можно ожидать ускорение роста экономики Республики Башкортостан, в том числе, за счет накопленного инвестиционного потенциала в сфере обрабатывающей промышленности. И, кроме этого, необходимо понимать, что в башкирской экономике до 17% от всего производства в промышленной сфере приходится на добывающие производства, а с учетом прогнозируемого роста спроса на углеводородное сырье уже в ближайшие два-три года следует ожидать, что и эта отрасль обеспечит весомый вклад в развитие республиканской экономики. Но вместе с тем встает вопрос о том, насколько промышленные предприятия, осуществляющие свою деятельность в Республике Башкортостан, готовы к дальнейшему экономическому росту и развитию. Так, например, если взять за точку отсчета накопленный объем инвестиций, направленный в основной капитал предприятий (в том числе и промышленных), то становится очевидным, что, с одной стороны, это достаточно высокий показатель (до 21% от валового регионального продукта в текущих ценах), но, с другой стороны, до 99% всех инвестиций, осуществленных в экономике Республики Башкортостан и приходящихся на нефинансовые активы, направлены на формирование физического, но не интеллектуального капитала башкирских предприятий. Иными словами, башкирская экономика, и, в первую очередь, сектор промышленного производства не создаёт интеллектуалоёмкой и наукоёмкой материальной продукции с высокой добавленной стоимостью. По данным Башстата, за последние пять лет удельный вес затрат на технологические инновации, осуществленные башкирскими предприятиями, не превышает 1-2%, т.е. находится на уровне статистической погрешности.

Если принять за точку отсчета интеллектуальный потенциал, сформированный в республиканской промышленности в виде патентов на промышленные образцы, то можно отметить, что с 2013 года интенсивность интеллектуально-инновационной деятельности в экономике региона, если её измерять в процентах, увеличилась практически в два раза (данные таблицы 1).

Таблица 1 / Table 1

**Динамика подачи и получения патентов на промышленные образцы
в Республике Башкортостан / Dynamics of filing and obtaining patents
for industrial samples in the Republic of Bashkortostan**

Год	Подано заявок, единиц		Выдано патентов, единиц		Интенсивность интеллектуально-инновационной деятельности (отношение выданных патентов к поданным заявкам, в %)	
	в текущий год	накопленным итогом	в текущий год	накопленным итогом	в текущий год	накопленным итогом
2013	21	21	8	8	38,1	38,1
2014	25	46	12	20	48,0	43,5
2015	8	54	19	39	237,5	72,2
2016	21	75	4	43	19,0	57,3
2017	13	88	15	58	115,4	65,9
2018	42	130	25	83	59,5	63,8
2019	16	146	15	98	93,8	67,1
2020	25	171	12	110	48,0	64,3

Источник / Source: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Наука, инновации и информационное общество (Выборка). Доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения 09.06.2021) / Central Database of Statistical Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Science, Innovation, and the Information Society (Sample). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed 09.06.2021).

В Республике Башкортостан осуществляют свою деятельность, не считая малый и средний бизнес, 38 крупнейших промышленных предприятий.

Исходя из данных таблицы 1, получается, что только в 2018 году условно было подано по одной патентной заявке от каждого крупного промышленного предприятия. Накопленным итогом за восемь лет условно можно считать, что от каждого крупного промышленного предприятия, осуществляющего свою деятельность в Республике Башкортостан, было подано примерно по четыре патентных заявки и получено примерно по три патента на промышленные образцы.

Если сравнивать общий уровень интеллектуально-инновационной активности в Республике Башкортостан и в Республике Татарстан (схожие регионы по объему получаемого валового регионального продукта и численности населения, но в Башкирии территория значительно больше, соответственно плотность населения в два раза ниже), то можно отметить, что совокупно в Башкирии количество подаваемых патентных заявок на изобретения, полезные модели, промышленные образцы в среднем в 1,5-2 раза ниже, чем в Татарстане (таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

**Динамика подачи и получения патентов в Республике Башкортостан
и в Республике Татарстан / Dynamics of filing and obtaining patents in the Republic of Bashkortostan and in the Republic of Tatarstan**

Год	Подано заявок (в том числе на изобретения, полезные модели, промышленные образцы), единиц		Выдано патентов (в том числе на изобретения, полезные модели, промышленные образцы), единиц		Интенсивность интеллектуально-инновационной деятельности (отношение выданных патентов к поданным заявкам, в %)	
	в текущий год	накопленным итогом	в текущий год	накопленным итогом	в текущий год	накопленным итогом
Республика Башкортостан						
2013	956	956	697	697	72,9	72,9
2014	1004	1960	744	1441	74,1	73,5
2015	886	2846	943	2384	106,4	83,8
2016	908	3754	635	3019	69,9	80,4
2017	849	4603	845	3864	99,5	83,9
2018	736	5339	747	4611	101,5	86,4
2019	741	6080	764	5375	103,1	88,4
2020	633	6713	539	5914	85,2	88,1
Республика Татарстан						
2013	1460	1460	1289	1289	88,3	88,3
2014	1684	3144	1633	2922	97,0	92,9
2015	1347	4491	1297	4219	96,3	93,9
2016	1227	5718	1092	5311	89,0	92,9
2017	1168	6886	1081	6392	92,6	92,8
2018	1261	8147	1167	7559	92,5	92,8
2019	1285	9432	1179	8738	91,8	92,6
2020	1086	10518	1083	9821	99,7	93,4

Источник / Source: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Наука, инновации и информационное общество (Выборка). Доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения 09.06.2021) / Central Database of Statistical Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Science, Innovation, and the Information Society (Sample). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed 09.06.2021).

Вместе с тем, принимая во внимание, что после 2015 года экономика Татарстана по объему валового регионального продукта в текущих ценах сократилась в два раза (4,6 трлн. рублей в 2015 году и 2,05 трлн. рублей в 2016 году) с некоторым восстановлением к 2019 году и последующим сокращением в 2020 году, экономическая отдача на одну единицу интеллектуально-инновационного потенциала двух регионов (т.е. на один полученный патент) примерно равная: 3-3,3 млрд. рублей по итогам 2020 года и примерно 0,3 млрд. рублей накопленным итогом за весь период наблюдения, отраженный в таблице 2.

Таким образом, становится очевидным, что в региональных экономиках, прежде всего ориентированных на сферу промышленного производства, имеются примерно схожие проблемы, которые можно сформулировать следующим образом:

- во-первых, дефицит инвестиций, необходимых для финансирования интеллектуальных активов (проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, разработки патентоспособных новаций и т.п.);
- во-вторых, невысокие способности экономических акторов (в том числе и промышленных предприятий) по конверсии результатов интеллектуальной деятельности в получаемые выгоды (доходы, прибыль, прочие бенефиты).

Первая и вторая проблемы объективно взаимосвязаны между собой и имеют как прямое, так и обратное влияние друг на друга. Так, дефицит инвестиций ведёт к тому, что интеллектуально-инновационная деятельность в экономике стагнирует. В свою очередь неумение конвертировать полученные в ходе интеллектуально-инновационной деятельности результаты в экономические и прочие выгоды сокращает приток инвестиций извне и снижает внутренний инвестиционный потенциал (Синицын и Копеин, 2019).

Но источниками указанных проблем является институциональная неопределенность, сложившаяся в российской экономике после 2014 года, когда одни субъекты хозяйствования получают значительные преференции в ущерб другим, либо предсказать устойчивость этих преференций невозможно. При сохранении в национальной экономике высокой зависимости от природной ренты такие институциональные перекосы приводят к сокращению возможностей для конкуренции на внутреннем рынке (Аганбегян, 2016). Кроме этого, следует понимать, что институциональная неопределенность – это, в первую очередь, постоянное изменение правил, регулирующих ведение тех или иных видов экономической деятельности. Во вторую очередь, институциональная неопределенность – это возможность наращивания административного давления на бизнес и предпринимательство. Так, по данным общественной организации «Опора России», представляющей интересы малого и среднего предпринимательства, ежегодно контрольно-надзорными органами проводится около 1,6 млн. проверок деятельности российских хозяйствующих субъектов, из них примерно 78% проведенных проверок были внеплановыми в 2018 и в 2019 году (рис. 8).

Рис. 8. / Fig. 8. Доля контрольно-надзорных мероприятий, проводимых в российской экономике внепланово / The share of control and supervisory activities carried out in the Russian economy unscheduled

Источник / Source: ОПОРА РОССИИ: Анализ контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти (2020). Доступно по адресу: <http://opora.ru/upload/iblock/86a/86a6807fa453230466d7f48436aca10e.pdf> (дата обращения 12.06.2021) / OPORA RUSSIA: Analysis of the Control and Supervisory Activities of state Authorities (2020). Available at: <http://opora.ru/upload/iblock/86a/86a6807fa453230466d7f48436aca10e.pdf> (accessed 12.06.2021).

Общий объем штрафов, наложенных по результатам контрольно-надзорных мероприятий, увеличился по итогам 2019 года всего на 1,03% относительно данных 2018 года, но следует обратить внимание на то, что МЧС России и ФНС России существенно усилили административное давление на российский бизнес и предпринимательство (рисунок 9).

Рис. 9. / Fig. 9. Динамика общего объема штрафов, наложенных на хозяйствующие субъекты, по итогам контрольно-надзорных мероприятий, млрд. руб. / Dynamics of the total amount of fines imposed on economic entities, based on the results of control and supervisory measures, billion rubles

Источник / Source: ОПОРА РОССИИ: Анализ контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти (2020). Доступно по адресу:

<http://opora.ru/upload/iblock/86a/86a6807fa453230466d7f48436aca10e.pdf> (дата обращения 12.06.2021) / OPORA RUSSIA: Analysis of the Control and Supervisory Activities of state Authorities (2020). Available at: <http://opora.ru/upload/iblock/86a/86a6807fa453230466d7f48436aca10e.pdf> (accessed 12.06.2021).

Нужно понимать, что Республика Башкортостан в этом смысле не является исключением, здесь также активно проводятся проверки контрольно-надзорных органов, а малое и среднее предпринимательство на этом фоне устойчиво стагнирует, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные о демографии коммерческих организаций в региональной экономике. Иными словами, кризис, обусловленный пандемией, лишь только ярче проявил те тенденции структурной и динамической несбалансированности, которые имели место и в российской, и в башкирской экономике в целом, а также в частности – в сфере промышленного производства.

Безусловно, в 2020 году административное давление на производственно-промышленную сферу снизилось, в том числе благодаря изменениям в институциональном регулировании. Но внутренний рынок показывает тенденции к сокращению и за счет снижения платежеспособного спроса в частном и корпоративном сегменте, и за счет сокращения количества предприятий и организаций, не переживших локдауны 2020 года и вынужденных покинуть рынок, и за счет того, что многие промышленно-производственные предприятия переориентировались на внешний рынок, который более привлекателен для российских предприятий в силу низкой неопределенности, устойчивого спроса и предсказуемых условий конкуренции.

Республика Башкортостан обладает высоким экспортным потенциалом в двух основных направлениях:

- 1) промышленная продукция низких переделов и сырье (углеводороды, минералы, монокарбоновые кислоты);
- 2) продукция отрасли машиностроения (турбодвигатели и газовые турбины).

Но именно в этих двух направлениях прослеживается высокая концентрация финансового, физического и интеллектуального капитала, а остальные промышленно-производственные отрасли и обрабатывающие производства остаются либо неразвитыми, либо слабо развитыми, а значит, не являются конкурентоспособными, инвестиционно привлекательными и не могут демонстрировать устойчиво повышательную динамику развития и сбалансированного экономического роста.

Вопросы устойчивого развития, впервые затронутые в работах Д. Медоуза с соавторами (Meadows, Randers and Meadows, 2013), актуальны не только для макро-, но и для микроэкономического уровня исследований. А в контексте рассматриваемой тематики данной статьи становятся ещё более актуальными, поскольку речь идёт о проблемах роста и развития одной из главных движущих сил любой экономики – промышленно-предпринимательского сектора. И, по нашему мнению, здесь основное внимание следует акцентировать на динамической устойчивости бизнес-моделей промышленных предприятий.

Понятие «динамическая устойчивость», широко представленное в физических науках, лишь относительно недавно стало имплементироваться в экономические науки. Так, например, данным понятием оперирует ресурсная теория фирм и её динамическая парадигма (Катькало, 2008; Barney, 1996). Поэтому под динамической устойчивостью бизнес-модели промышленного предприятия следует понимать способность противостоять внешним и внутренним шокам, а также развиваться – качественно обновляться – за счет накопленного конкурентного и инвестиционного потенциала. Это означает, что конкурентный и инвестиционный потенциал являются двумя ключевыми слагаемыми динамически устойчивого развития промышленных предприятий в существующих и прогнозируемых институциональных условиях. Соответственно:

а) конкурентный потенциал, заложенный в бизнес-модель промышленного предприятия, – это организационные и управленческие компетенции, которые позволяют не только создавать, но и использовать устойчивые/уникальные конкурентные преимущества, выраженные в продукции, для наращивания или максимизации экономических и прочих выгод, недоступных прямым конкурентам промышленного предприятия;

б) инвестиционный потенциал, заложенный в бизнес-модель промышленного предприятия, – это ресурсные и управленческие компетенции, которые позволяют финансировать (за счет накопления внутренних резервов и привлечения денежных и иных инвестиционных средств извне) создание устойчивых/уникальных конкурентных преимуществ, коммерциализировать их и получать экономическую отдачу на вложенный финансовый, физический и интеллектуальный капитал.

И если способы формирования инвестиционного потенциала промышленных предприятий, в том числе для обеспечения динамической устойчивости их бизнес-модели и в целом – устойчивости развития, общеизвестны (это могут быть собственные или заемные средства, а также различные виды финансовой аренды и финансовых инструментов), то способы формирования конкурентного потенциала, с одной стороны, лежат на поверхности (трансформация идей в конкурентоспособные продукты, предлагаемые рынку (Fiol, 2001)). Но, с другой стороны, далеко не так очевидны на первый взгляд.

Если мы рассмотрим промышленную отрасль Республики Башкортостан, то увидим, что, во-первых, в тех сферах производства, которые обладают каким-либо значимым потенциалом, сконцентрирован финансовый, физический, интеллектуальный капитал, а также государственные интересы. И, во-вторых, те сферы, которые могли бы создавать высокотехнологичные рабочие места с использованием малых и средних форм хозяйствования, развиваются неустойчиво и конкурируют с другими производителями не за счёт устойчивых или уникальных конкурентных преимуществ, но за счет факторов конъюнктуры: маркетинговая конкуренция и в том числе конкуренция по цене, конкуренция с использованием административного ресурса, в том числе мер протекционистской поддержки в условиях кризиса и т.п.

Таким образом, следует уточнить, что устойчивые или уникальные конкурентные преимущества, формирующие конкурентный потенциал и заложенные в бизнес-модель промышленного предприятия, – это преимущества, созданные путём конверсии инновационных идей и прочих результатов интеллектуальной деятельности в технологии и прочие решения, которые позволяют предложить рынку либо абсолютно новый, либо усовершенствованный/модернизированный продукт (товар, работу, услугу), который будет наилучшим образом удовлетворять определённый спектр потребностей ключевой аудитории (частных или корпоративных потребителей). Такие конкурентные преимущества сложно скопировать, поскольку они характеризуются высокой интеллектуально- и капиталоемкостью.

И абсолютно понятно, что не все промышленные предприятия, тем более малые и средние, имеют необходимые организационные и управленческие компетенции, которые позволяют

создать устойчивые или уникальные конкурентные преимущества, критически значимые для обеспечения динамической устойчивости бизнес-модели. И здесь можно выделить два основных подхода, которые принято использовать на глобальном рынке для формирования конкурентного потенциала промышленных предприятий:

1) полный инновационный цикл – от генерации идеи посредством мозгового штурма до её трансформации в продукт и последующей коммерциализации;

2) source-using подход или редуцированный инновационный цикл (аутсорсинг и его производные, краудсорсинг и его производные, вхождение в так называемые экосистемы техногигантов).

Полный инновационный цикл при наличии прогрессивной идеи, лежащей в его основе, действительно позволяет создать уникальные и сложно копируемые конкурентные преимущества, которые сформируют значимый конкурентный потенциал бизнес-модели, обеспечат её динамическую устойчивость, а, значит, и динамически устойчивое развитие самого промышленного предприятия. Но здесь следует указать на одно из важнейших условий – для создания уникальных конкурентных преимуществ и, соответственно, конкурентного потенциала, закладываемого в бизнес-модель, промышленное предприятие должно обладать значимым инвестиционным потенциалом. Иными словами, у промышленного предприятия должен быть либо достаточный внутренний финансовый резерв, либо возможность привлекать финансовые ресурсы извне в том объёме, который требуется для обеспечения конкретного инновационного цикла. При этом следует принимать во внимание, что промышленному предприятию необходимо вести операционную деятельность, а также уметь обеспечивать свои текущие обязательства. Поэтому полный инновационный цикл, как источник уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ, доступен лишь ограниченному кругу промышленных предприятий, имеющих высокий уровень не только доходности, но и прибыльности для финансирования и привлечения инвестиций, либо использующих административный ресурс или иные формы протекционистской поддержки.

Для других промышленных предприятий, которые смогли сохранить в период активной фазы кризиса 2020 года свой бизнес, полный инновационный цикл для создания уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ будет непосильной задачей. И здесь следует рассмотреть возможности редуцирования инновационного цикла через source-using подход:

1) аутсорсинг и его производные – от передачи на сторону бизнес-процессов развития (исследования и разработки) до передачи на сторону ряда вспомогательных бизнес-процессов (коммерциализация инноваций и т.п.);

2) краудсорсинг и его производные – от коллективного решения творческих, в том числе, инженерно-технологических и прочих подобных задач до коллективного маркетинга и продвижения нового продукта;

3) вхождение в экосистемы техногигантов – интеграция промышленного предприятия в различные крупнейшие корпоративные структуры, обладающие значительным запасом ресурсов и средств, необходимых для трансформации какой-либо идеи в конкурентные преимущества бизнес-модели, которые использует промышленное предприятие.

Сразу же стоит оговориться, что экосистемы, которые создают техногиганты, – это не нечто новое в экономике. Такие экосистемы – это следующий этап эволюции вертикально или горизонтально интегрированных диверсифицированных холдингов, финансово-промышленных групп и т.п. Фактически, создаваемые техногигантами экосистемы, – это распространение олигополии или монополии какой-либо крупнейшей корпоративной системы, но уже не на одну или две экономические отрасли, а на определенную совокупность отраслей. Например, финансы, индустрия развлечений, персональные услуги населению, производство материальной и цифровой продукции, и т.п. В частности, такая экосистема создана Сбербанком России, корпорацией Yandex. Иностранные корпорации, имеющие свои экосистемы (в частности, Google, Microsoft, Apple), весьма часто получают санкции и штрафы за использование доминирующего положения на рынке. В России пока что такая практика не сложилась, поскольку рынок остается в достаточной степени конкурентным, и вхождение промышленного предприятия, тем более малого или среднего, в экосистему техногиганта пока что можно рассматривать как способ со-

здать конкурентные преимущества, закладываемые в бизнес-модель. Но следует учитывать и риски:

- во-первых, доминирующее положение на рынке какой-либо экосистемы, управляемой техногигантом, сокращает возможности для предпринимательского или иного маневра входящих в экосистему отдельных предприятий – общая корпоративная стратегия и общая корпоративная культура будут служить такими ограничителями;

- во-вторых, доминирующее положение на рынке какой-либо экосистемы, управляемой техногигантом, будет со временем сокращать уровень конкуренции и это не является благом для отдельных предприятий, входящих в экосистему, как может показаться на первый взгляд. Отсутствие нормальной конкуренции – это отсутствие стимулов к развитию, соответственно, техногигант, управляющий экосистемой, может осуществлять селекцию входящих в него предприятий, например, за счет прекращения поддержки и замещения новым участником. Это фактор долгосрочного развития экосистемы, но не отдельных предприятий, которые будут интегрированы в неё.

Поэтому экосистемы, созданные техногигантами, следует рассматривать как специфический вид венчурных институциональных инвесторов, т.е. поддержка экосистемы – это временная мера, используемая промышленными предприятиями, для создания уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ. Но следует понимать, что впоследствии эксплуатация созданных предприятием таких конкурентных преимуществ будет сопровождаться определенными обязательствами перед экосистемой, например, специфической формой роялти, либо так, как это происходит в классических венчурных проектах – через первое публичное предложение (IPO), через сделки по слиянию и поглощению (M&A). Таким образом, вхождение промышленных предприятий в экосистемы, подконтрольные техногигантам, можно рассматривать как потенциальную возможность формирования уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ, но для использования такой возможности следует обладать действительно прогрессивной в технологическом смысле и в смысле новизны идей, а также необходимо, чтобы состоялась институционализация взаимоотношений между отдельными хозяйствующими субъектами и различными экосистемами. В России это пока что сложно сделать, поэтому вероятно в данном случае будет более уместным использование классического корпоративного венчурного подхода и привлечение средств от специализированных венчурных инвесторов, а не от диверсифицированных экосистем, находящихся под управлением техногигантов.

Ещё один возможный способ формирования уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ, закладываемых в бизнес-модель промышленного предприятия, – это аутсорсинг, либо краудсорсинг и их производные. Общеизвестно, что аутсорсинг – это вывод за экономические и территориальные границы промышленного предприятия какого-либо бизнес-процесса и передача его на исполнение третьему физическому или юридическому лицу. Соответственно, само промышленное предприятие такой бизнес-процесс уже исполняет, чтобы не допустить распыления ресурсов.

В российском интеллектуальном аутсорсинге (исследования и разработки, создание промышленных образцов, полезных моделей, коммерциализация инноваций и т.п.) есть одна и очень большая проблема – незавершенные процессы институализации прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности, поэтому в России в большей степени представлен функциональный (бухгалтерский учет, логистика, управление закупками, маркетинг, управление кадрами и т.п.), нежели стратегический (исследования и разработки, научно-исследовательские, опытно-конструкторские, инженерно-технологические работы) аутсорсинг (Барановская и Вострокнутов, 2020; Коновалова и Показаченко, 2019).

В свою очередь краудсорсинг и его производные (крауд-тестинг, рекрутинг, фандинг и т.д.) может стать основным способом формирования уникальных и сложно копируемых конкурентных преимуществ, закладываемых в бизнес-модель промышленного предприятия. Идея краудсорсинга проста – использовать коллективный разум для нахождения решения какой-либо задачи. Иными словами, краудсорсинг в современном мире – это распределенная онлайн-модель материального или нематериального производства, в которой люди, объединенные в сеть, сотрудничают для достижения конкретной цели посредством решения конкретного перечня задач. Краудсорсинг обладает неоспоримым преимуществом – он предоставляет про-

мышленным предприятиям доступ к масштабируемой рабочей силе и интеллектуальным ресурсам множества людей (Vukovic, 2009), что позволяет снизить капиталоемкость создания конкурентных преимуществ и одновременно интенсифицировать их разработку.

Но краудсорсинг эффективен тогда и только тогда, когда он реализуется на известных и устойчивых цифровых платформах (Morschheuser et al., 2017) и для российских реалий, где уровень цифровизации бизнеса и предпринимательства оценивается на уровне 40-50%, – это ключевое ограничение в использовании краудсорсинга. Цифровизация российской экономики идёт очень медленно по двум основным причинам:

1) весьма низкий уровень цифровой грамотности не только среди малых и средних предпринимателей, но и среди руководителей крупных и крупнейших корпоративных структур;

2) наличие цифрового неравенства между центрами экономического притяжения (Москва, Санкт-Петербург) и регионами.

При этом следует отметить, что цифровое неравенство здесь следует понимать не только в узком смысле – как отсутствие доступа у населения и бизнеса к современным средствам коммуникаций, но и в широком смысле – как отсутствие у населения и бизнеса возможностей создания и использования распределённых цифровых сервисов и различных цифровых продуктов для улучшения своего экономического положения. В узком смысле цифровое неравенство можно выразить через уровень информатизации и доступности государственных услуг в онлайн-формате, а в широком смысле – через доступность цифровой среды для ведения экономической деятельности, в том числе электронной коммерции, обучения, получения телемедицинских услуг, дистанционных финансовых и прочих услуг.

По уровню информатизации и доступности государственных услуг в онлайн-формате Республика Башкортостан занимает относительно высокие позиции в различных специализированных рейтингах. Кроме этого, региональная экономика является значимым сегментом для многих потребительских цифровых сервисов – от маркет-плейсов до прочих персональных услуг. Но в то же время в регионе пока еще недостаточно развиты цифровые сервисы, предназначенные для промышленно-производственного сектора. Это не позволяет, с одной стороны, выстраивать оптимизированные распределённые цепочки создания стоимости, а с другой стороны, сложившаяся ситуация ограничивает возможности развития башкирских, в первую очередь, малых и средних промышленных предприятий.

Таким образом, подводя итоги данной статьи, следует сформулировать основные выводы:

1) экономика Республики Башкортостан специализируется на материальном производстве, что позволяет ей быть значимым актором в промышленном экспорте продукции низких переделов, а также машиностроительной продукции;

2) в башкирской экономике явно проявили себя процессы демографической рецессии коммерческих организаций – количество вновь создаваемых организаций существенно ниже количества официально ликвидируемых;

3) накопленный в экономике Башкирии инвестиционный потенциал может стать источником или фактором быстрого роста и восстановления после активной фазы кризиса 2020 года, но такое возможно при условии повышения предпринимательской и инновационной активности;

4) рост предпринимательской и инновационной активности в промышленно-производственном секторе башкирской экономики возможен за счет накопления предприятиями конкурентного и инвестиционного потенциала, обеспечивающего динамическую устойчивость их бизнес-моделей;

5) рассмотренные в статье способы формирования конкурентного потенциала промышленных предприятий следует рассматривать в контексте полного и редуцированного инновационного цикла, каждый из которых имеет собственные преимущества и ограничения практического использования.

В дальнейших исследованиях, посвященных вопросам управления динамически устойчивым развитием промышленных предприятий, мы планируем рассмотреть аспекты цифровизации бизнес-моделей промышленных предприятий для использования широкой совокупности

возможностей накопления конкурентного потенциала, а также методы и инструменты измерения инвестиционного потенциала этих субъектов хозяйствования.

Литература / References

1. Аганбегян, А.Г. (2016), “Экономика России: от стагнации к рецессии”, *Деньги и кредит*, № 5, с. 10-20. [Aganbegyan, A.G. (2016), “Economy of Russia: from stagnation to recession”, *Money and credit*, № 5, pp. 10-20].
2. Барановская, Т.П. и Вострокнутов, А.Е. (2020), “Анализ рынка аутсорсинга бизнес-процессов и проблемы его развития”, *Сборник статей международной научно-практической конференции: Трансформация социально-экономического пространства России и мира*, АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», Москва, с. 3-8. [Baranovskaya T.P. and Vostroknutov A.E. (2020), “Analysis of the business process outsourcing market and problems of its development”, *Collection of articles of the international scientific and practical conference: Transformation of the socio-economic space of Russia and the world*, ANO «Research Institute of History, Economics and Law», Moscow, pp. 3-8].
3. Гильмундинов, В.М. (2017), “Новые аспекты «голландской болезни» экономики России в условиях санкций: риски и рецепты” *Идеи и идеалы*, т. 1, № 1 (31). [Gilmundinov, V.M. (2017), “New aspects of the “Dutch disease” of the Russian economy in the context of sanctions: risks and recipes”, *Ideas and ideals*, vol. 1, no. 1 (31)].
4. Каткало, В.С. (2008), *Эволюция теории стратегического управления: монография*, Издательство Высшей школы менеджмента, СПб, 546 с. [Katkalo, V.S. (2008), *Evolution of the theory of strategic management: monograph*, Publishing House of the Higher School of Management, St. Petersburg, 546 p.].
5. Коновалова, О.Н. и Показаченко, В.А. (2019), “Особенности и проблемы российского рынка аутсорсинга”, *Инновационная экономика и общество*, № 3, с. 26-36. [Konovalova, O.N. and Kazachenko, V.A. (2019), “Features and problems of the Russian outsourcing market”, *Innovative Economy and Society*, no. 3, pp. 26-36].
6. Синицын, А.В. и Копеин, В.В. (2019), “Взаимосвязь инвестиционного процесса и инноваций как аспекта инвестиционной привлекательности и финансовой безопасности региона”, *Экономика и предпринимательство*, № 1, с. 310-315. [Sinitsyn, A.V. and Kopein, V.V. (2019), “Interrelation of the investment process and innovations as an aspect of investment attractiveness and financial security of the region”, *Economics and Entrepreneurship*, no. 1, pp. 310-315].
7. Barney, J.B. (1996), “The resource-based theory of the firm”, *Organization science*, vol. 7, no. 5, pp. 469-469.
8. Fiol, C.M. (2001), “Revisiting an identity-based view of sustainable competitive advantage”, *Journal of Management*, vol. 27, no. 6, pp. 691-699.
9. Meadows, D.H., Randers, J. and Meadows, D.L. (2013), *The Limits to Growth (1972)*, Yale University Press, pp. 101-116.
10. Morschheuser, B. et al (2017), “Gamified crowdsourcing: Conceptualization, literature review, and future agenda”, *International Journal of Human-Computer Studies*, vol. 106, pp. 26-43.
11. Vukovic, M. (2009) “Crowdsourcing for enterprises”, *2009 congress on services-I.*, IEEE Los Angeles, CA, USA, 6-10 July 2009, pp. 686-692.

Об авторе

Назаров Андрей Геннадьевич, кандидат политических наук, докторант, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About author

Andrey G. Nazarov, Candidate of Sci. (polyt.), doctoral candidate, Market Economy Institute of RAS, Moscow.